

Амелия сидела совершенно неподвижно из-за боли, исходящей из разных частей ее тела, и боялась, что любое движение с ее стороны только усугубит ее травмы и нанесет еще больший ущерб. Снаружи ее машины дождь продолжал хлестать, и хотя двигатель замолчал, фары все еще освещали часть травяной полосы и большие кусты деревьев, окружавшие машину, а из-под капота просачивался пар.

Последние несколько мгновений прошли как в тумане: она ехала домой, дождь был настолько сильным, что она с трудом могла видеть через лобовое стекло и не заметила, как наступила очередь поворота; она нажала на тормоз, выкручивая руль. Но машина продолжала ехать прямо, слегка отклоняясь от курса, и Амелия закрыла глаза, когда деревья надвинулись на нее и руль вырвался из ее рук.

Она помнила, как ее крутило и ударяло, громкие хрустящие звуки, когда она врезалась в несколько препятствий, а затем подушка безопасности взорвалась, и ее отбросило внутрь салона, прежде чем машина внезапно и резко остановилась, двигатель продолжал реветь, потому что ее нога была зажата на педали газа. Она не могла пошевелиться и закричала от страха, думая, не загорится ли машина и не сгорит ли она заживо. Но, наконец, она успокоилась настолько, что поняла, что нужно выключить зажигание.

Над головой раздался раскат грома, затем последовала вспышка яркого света, озарившая небо, а спустя несколько секунд - еще один раскат грома. Амелия увидела, как ярко вспыхнули задние фары другого автомобиля, а через несколько мгновений кто-то заговорил с ней, но она не могла понять, что он говорит, вместо этого она заметила звук сирен вдалеке и поняла, что они, кажется, приближаются, пока дорога, деревья и внутренняя часть ее автомобиля не осветились синими мигающими огнями.

Через несколько минут ей показалось, что сотни людей окружили ее машину, и только тогда она потеряла сознание. Когда она очнулась, она была в больнице, ее голова раскалывалась, левая нога пульсировала, а оба запястья отдавали резкой болью, когда она пыталась ими пошевелить.

На следующий день, когда она смогла рационально осмыслить случившееся, она узнала, что у нее сотрясение мозга, хлыстовая травма, перелом ноги, несколько сломанных ребер, перелом одного запястья и перелом другого. Ее продержали в больнице несколько недель, пока ее латали и держали под наблюдением, медленно продвигаясь по пути к выздоровлению, и в конце концов отпустили домой в инвалидном кресле.

Привет, мама, готова ехать?" Ее сын Адам терпеливо ждал, пока медсестра вернется с документами и лекарствами.

Я подогнал машину как можно ближе, но мне придется оставить тебя на минутку у главных дверей, пока я подгоню ее".

Амелия была очень рада вернуться домой, она никогда не любила больницы и чувствовала себя намного лучше, когда оказалась под собственной крышей. Адам вывез ее на колесах, обнял за

плечи и помог сесть в машину, а затем положил кресло в багажник. Дорога домой заняла всего двадцать минут, и он уже поворачивал на подъездную дорожку, когда Амелия спросила, где ее машина.

Мама, - сказал он ей, - тебе невероятно повезло, что машина врезалась в деревья боком, а не лоб в лоб, иначе все могло бы быть совсем по-другому", - Амелия заметила страдание на лице и в голосе сына.

Он помог ей сесть в инвалидное кресло и, с трудом преодолев порог передней двери, смог завести ее в дом.

Я освободил столовую и перенес односпальную кровать из третьей спальни. Я также добавил маленький столик, это избавит вас от необходимости подниматься и спускаться по лестнице, и пока что вы можете пользоваться туалетом внизу".

Амелия с гордостью смотрела на своего сына, ему было всего двадцать лет, а он, казалось, уже все продумал, чтобы облегчить ей жизнь.

"Брю, мам?" Она кивнула головой, позже пожалев, что не сказала "нет".

Усадив ее на диван, он накрыл ее одеялом, принес чашку чая и включил телевизор.

Мне нужно отлучиться на десять минут, я скоро вернусь", - сказал он, убедившись, что она удобно устроилась, прежде чем уйти.

Она выпила свою чашку чая и попыталась заинтересоваться несколькими программами, но глаза были тяжелыми, и Амелия закрыла их на несколько минут. Когда она пришла в себя, то услышала, как Адам копошится на кухне, и отчаянно захотела в туалет, зовя сына, чтобы он помог ей туда добраться.

Это, к сожалению, стало началом дилеммы, которая с течением дня становилась только хуже. Обняв ее за талию, он поддержал ее, и она, ковыляя, добралась до туалета, после чего Адам завел ее внутрь и закрыл дверь.

Амелия попыталась поднять юбку, но тут же обнаружила, что с гипсом на одной руке и ремнями на другой у нее нет ни хватки, ни гибкости в обеих руках, чтобы сделать то, что раньше она сделала бы не задумываясь, и если она не может поднять юбку, то как она собирается спустить трусики?

"Что же мне делать?" - в отчаянии подумала она, боясь, что может обмочиться, если не успеет пописать, и понимая, что другого выхода у нее нет.

'Адам?' Он все еще стоял снаружи, ее лицо покраснело, когда она произнесла свою просьбу:

"Не мог бы ты задрать мою юбку, а затем спустить трусики". Он попытался отшутиться, когда дверь открылась.

"Что подумают соседи, если услышат твою просьбу? Это было сказано с озорной ухмылкой, играющей на его лице.

Как истинный джентльмен, он закрыл глаза и стал возиться, поднимая ее юбку и застегивая ее под мышками, затем стянул трусики до щиколоток и помог ей сесть. Она чувствовала себя неловко, зная, что их разделяет только хлипкая деревянная дверь, и что, стоя снаружи, он сможет услышать, как она мочится, но это было ничто по сравнению с тем, что ей пришлось пережить несколько секунд спустя, когда у нее возникла другая просьба.

Она была близка к слезам, когда он взял ткань и просунул руку между ее ног, а затем вытер вдоль ее щели. Как будто ее внезапно ударило тысячей вольт, ее тело задрожало, когда его рука и салфетка встретились с ее сосочком.

"Мне так жаль, Адам, - сказала она со слезами на глазах, - это должно быть ужасно для тебя".

Он сказал ей, чтобы она не волновалась, что он не возражает, что было полной правдой. Это было не то, что он мог сделать с закрытыми глазами, поэтому ему пришлось посмотреть, и он решил, что у его матери довольно симпатичная попка.

Закончив, он бросил салфетку в миску, помог ей встать на ноги, натянул трусики и спустил юбку, после чего помог Амелии вернуться на диван. Насколько она понимала, с этого момента ей стало еще более стыдно.

Конечно, были частые позывы к мочеиспусканию, каждый из которых сопровождался внезапным толчком в организме, когда он вытирал ее задницу, а затем, к ее окончательному унижению, ей понадобилось другое, и Адаму пришлось вытереть ее попу.

К концу дня в нижней половине тела его матери почти ничего не осталось, чего бы он не видел, и хотя она все еще была очень смущена, Адам обнаружил, что наслаждается этим, вынужденный признать, что в плане нижней половины тела его мать была чертовски хороша.

Устроившись поудобнее на диване, Амелия с нетерпением ждала, когда же она ляжет спать, пока в очередной раз не поняла, что есть много вещей, которые она не может делать, и раздевание - одна из них. Она снова почувствовала себя униженной, когда он расстегнул ее блузку и стянул ее с юбки, а затем спустил ее с рук. Она почувствовала себя ужасно, когда увидела, как он взглянул на ее лифчик и белую плоть ее груди, когда он обошел ее сзади, расстегнул его, а затем отложил в сторону, обнажив ее грудь, и по какой-то причине ее соски решили стать эрегированными.

Затем он расстегнул молнию на ее юбке и сдвинул ее на бедра вместе с трусиками, оставив ее совершенно голой, пока он доставал ночную рубашку, которую купил для нее. Обычно она

спала без одежды, но Адам сказал, что так ей будет удобнее, если ночью ей понадобится туалет, и что он будет спать на диване.

Она была его матерью, и он никогда в жизни не думал о ней иначе, но как бы он ни старался, в этот момент он не мог удержаться от того, чтобы не взглянуть на ее тело, пока надевал ночную рубашку. Он любовался ее небольшой, но прекрасно сформированной грудью, сужающейся талией и слегка округлым животом, аккуратно ухоженным кустиком, стройными бедрами и превосходными ногами, и смутился, когда, отвернувшись, понял, что у него начались признаки эрекции. Когда он закончил, Амелия открыла глаза, почувствовав себя более комфортно, но когда он помог ей лечь на кровать, она невольно заметила, как набухающая выпуклость выпирает спереди из его джинсов.

В последующие несколько дней все повторялось в том же духе, и, по крайней мере, хотя она все еще смущалась, она уже привыкла к тому, что Адам видит ее обнаженной. Амелия чувствовала себя грязной и отчаянно хотела принять душ, она размышляла, как это сделать, не намочив гипсовые повязки, и задала вопрос сыну.

"Дай мне подумать минутку", - сказал он и исчез на кухне. Через несколько минут он вернулся с пластиковым стулом из сада и рулоном пищевой пленки.

Я поставлю стул в душевой кабине, чтобы вы могли сидеть, и оберну все ваши гипсы и ремни пленкой", - сказал он ей.

Это звучало просто, но оказалось гораздо сложнее, чем они предполагали, - главная проблема заключалась в том, чтобы поднять ее наверх. Наконец, добравшись до ванной комнаты, он раздел маму и обернул пленкой ее гипсы и повязки, после чего помог ей войти в кабинку и позволил сесть. Она все еще осознавала себя обнаженной перед ним, когда он на мгновение исчез и вернулся через несколько минут, одетый в плавательные шорты.

Амелия не могла не хихикнуть, когда он присоединился к ней в тесном пространстве. Адам взял насадку для душа и проверил температуру воды, прежде чем начать опрыскивать ее. Он добавил шампунь и намылил ее волосы, после чего несколько раз ополоснул их. Как бы забавно это ни выглядело, все шло хорошо, пока ему не пришлось начать мыть ее торс, и они оба уже насквозь промокли. Взяв фланель, Адам намылил ее и, начав с плеч, стал двигаться вверх и вниз по спине. Она знала, что будет дальше, когда его руки переместились на ее переднюю часть. К тому времени, когда он закончил намыливать ее грудь и живот, ее соски были твердыми, а между ног ощущалось явное покалывание, но она старалась контролировать свое учащенное дыхание, чтобы он этого не заметил.

Смыв с нее воду, он извинился: "Прости, мама, я очень старался, но у меня нет контроля над этим". Лицо Адама было свекольным, когда он двигался, и она, наконец, смогла увидеть преобладающую выпуклость спереди его шорт. Амелия не знала, что делать: с одной стороны, ей было стыдно и досадно, что ее нагота возбуждает сына, но с другой стороны, она была в восторге от того, что даже в сорок лет она все еще может сексуально возбуждать человека вдвое моложе ее.

<http://erolate.com/book/2249/59628>